Василий Буслаевич

Перед былиной старик рассказал, что у Буслава долго не было детей. Стоснулся Буслав, садился на бел-горюч камень, повесил буйную головушку, утупил очушки во сыру землю, думал про себя, удумливал: как бы породить ему любимое детище. Объявилась ему бабища матерая и говорила таковы слова: «Эх ты, Буслав Сеславьевич! Не мог ты дотерпеть трех месяцев, износу детищу не было бы! Ступай-ка к Авдотье Васильевны, бери за груди за белыя... зыигрывай. Понесет она детище любимое, сильного, могучего богатыря».

Жил Буславьюшка — не старился,
Живучись, Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевич.
Стал Васинька на улочку похаживать,
Не легкия шуточки пошучивать:
За руку возьмет — рука прочь,
За ногу возьмет — нога прочь;
А которого ударит по горбу,
Тот пойдет — сам сутулится.
И говорят мужики новгородские:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Тебе с эстою удачей молодецкою
Наквасити река будет Волхова.
Идет Василий в широкия улочки,
Не весел домой идет, не радошен,
И стречает его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевич!
Что идешь не весел, не радошен?
Кто же ти на улушке приобидел?
— А никто меня на улушке не обидел,
Я кого возьму за руку — рука нрочь,

За ногу кого возьму — нога прочь,
А которого ударю по горбу,
Тот пойдет — сам сутулится.
А говорили мужики новгородские,
Что мне с эстою удачей молодецкою
Наквасити река будет Волхова.
И говорит мать таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Прибирай-ка себе дружину хоробрую,
Чтоб никто ти в Нове-граде не обидел.
И налил Василий чашу зелена вина,
Мерой чашу полтора ведра,
Становил чашу середи двора
И сам ко чаше приговаривал:
— Кто эту чашу примет одной рукой
И выпьет эту чашу за единый дух,
Тот моя будет дружина хоробрая!
И садился на ременчат стул,
Писал скорописчатые ярлыки;
В ярлыках Васинька прописывал:
«Зовет-жалует на почестей пир»;
Ярлычки привязывал ко стрелочкам
И стрелочки стрелял по Новуграду.
И пошли мужики новогородские
Из тоя из церквы из соборныя,
Стали стрелочки нахаживать,
Господа стали стрелочки просматривать:
«Зовет-жалует Василий на почестей пир».
И собиралися мужики новогородские уваламы,
Уваламы собиралися, переваламы,
И пошли к Василью на почестей пир.
И будут у Василья на широком на дворе,
И сами говорят таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Мы теперь стали на твоем дворе,
Всю мы у тя есту выедим
И все напиточки у тя выпьем,
Цветно платьице повыносим,
Красно золото повытащим.

Этыя речи ему не слюбилися.
Выскочил Василий на широкий двор,
Хватал-то Василий черленый вяз
И зачал Василий по дво́ру похаживати,
И зачал он вязом помахивати:
Куды махнет — туды улочка,
Перемахнет — переулочек:
И лежат-то мужики уваламы,
Уваламы лежат, переваламы,
Набило мужиков как погодою.
И зашел Василий в терема златоверхие!
Мало тот идет, мало новой идет
Ко Васильюшке на широкий двор.
Идет-то Костя Новоторжанин
Ко той ко чары зелена вина,
И брал-то чару одной рукой,
Выпил эту чару за единый дух.
Как выскочит Василий со новых сеней,
Хватал-то Василий черленый вяз,
Как ударил Костю-то по горбу:
Стоит-то Костя — не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
— Ай же ты, Костя Новоторжанин!
Будь моя дружина хоробрая,
Поди в мои палаты белокаменны.
Мало тот идет, мало новóй идет,
Идет-то Потанюшка Хроменький
Ко Василью на широкий двор,
Ко той ко чары зелена вина.
Брал тое чару одной рукой
И выпил чару за единый дух.
Как выскочит Василий со новых сеней,
Хватал-то Василий черленый вяз,
Ударит Потанюшку по хромым ногам:
Стоит Потанюшка — не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
— Ай же, Потанюшка Хроменький!
Будь моя дружина хоробра,
Поди в мои палаты белокаменны.

Мало тот идет, мало новой идет,
Идет-то Хомушка Горбатенький
Ко той ко чары зелена вина,
Брал-то чару одной рукой
И выпил чару за единый дух.
Того и бить не шел со новых сеней:
— Ступай-ка в палаты белокаменны
Пить нам напитки сладкие,
Ества-то есть сахарния,
А бояться нам в Нове-граде некого!
И прибрал Василий три дружины в Нове-граде,
И завелся у князя Новогородского почестен пир
На многих князей, на бояр,
На сильных могучих богатырей,
А молодца Василья не почествовали.
Говорит матери таковы слова:
— Ай же ты, государыня матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна!
Я пойду к князьям на почестен пир.
Возговорит Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное!
Званому гостю место есть,
А незваному гостю места нет.
Он, Василий, матери не слушался,
И взял свою дружину хоробрую
И пошел к князю на почестей пир.
У ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Прямо шел во гридню столовую.
Он левой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый стол,
За дубовый стол, в большой угол,
И тронулся на лавочку к пестнóй-углу,
И попехнул Василий правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Все стали гости в пестно-углу;
И тронулся на лавочку к вернóй-углу,
И попехнул левой рукой, левой ногой:

Все стали гости на новых сенях.
Другие гости перепалися,
От страху по домам разбежалися.
И зашел Василий за дубовый стол
Со своей дружиною хороброю.
Опять все на пир собиралися,
Все на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися
И все на пиру порасхвастались.
Возговорил Костя Новоторжанин:
— А нечем мне-ка, Косте, похвастати:
Я остался от батюшки малешенек,
Малешенек остался и зеленешенек.
Разве тым, мне Косте, похвастати:
Ударить с вами о велик заклад
О буйной головы на весь на Новгород,
Окроме трех монастырей —
Спаса Преображения,
Матушки Пресвятой Богородицы,
Да еще монастыря Смоленского.
Ударили они о велик заклад,
И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:
— Идти Василью с утра через Волхов мост;
Хоть свалят Василья до мосту,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова;
Хоть свалят Василья у моста,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова;
Хоть свалят Василья посеред моста,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова.
А уж как пройдет третью заставу,
Тожно больше делать нечего.
И пошел Василий со пира домой,
Не весел идет домой, не радошен,
И встречает его желанная матушка,

Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное!
Что идешь не весел, не радошен?
Говорит Василюшка Буславьевич:
— Я ударил с мужикамы о велик заклад
Идти с утра на Волхов мост:
Хоть свалят меня до моста,
Хоть свалят меня у моста,
Хоть свалят мене посеред моста,
Вести меня на казень на смертную,
Отрубить мне буйна голова.
А уж как пройду третью заставу,
Тожно больше делать нечего.
Как услышала Авдотья Васильевна,
Запирала в клеточку железную,
Подперла двери железныя
Тым ли вязом черленыим.
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла в даровья князю Новогородскому,
Чтобы простил сына любимого.
Говорит князь Новогородский:
— Тожно прощу, когда голову срублю!
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась пошла, запечалилась,
Рессеяла красно золото и чисто серебро
И скатен жемчуг по чисту полю,
Сама говорит таковы слова:
— Не дорого мне ни золото, ни серебро, ни скатен жемчуг,
А дорога мне буйная головушка
Своего сына любимого,
Молода Василюшка Буслаева.
И спит Василий, не пробудится.
Как собирались мужики уваламы,
Уваламы собирались, переваламы,
С тыма шалыгамы подорожныма,
Кричат оны во всю голову:

— Ступай-ка, Василий, через Волхов мост,
Рушай-ка заветы великие!
И выскочил Хомушка Горбатенький,
Убил-то он силы за цело сто,
И убил-то он силы за другое сто,
Убил-то он силы за третье сто,
Убил-то он силы до пяти сот.
На смену выскочил Потанюшка Хроменький
И выскочил Костя Новоторжанин.
И мыла служанка, Васильева портомойница,
Платьица на реке на Волхове,
И стало у девушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать,
Убило силы-то за цело сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то за третье сто,
Убило силы-то до пяти сот.
И прискочила ко клеточке железныя,
Сама говорит таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Ты спишь, Василий, не пробудишься,
А твоя-то дружина хоробрая
Во крови ходит, по колен бродит.
Со сна Василий пробуждается,
А сам говорит таковы слова:
— Ай же ты, любезная моя служаночка!
Отопри-ка дверцы железныя,
Как отперла ему двери железныя.
Хватал Василий свой черленый вяз
И пришел к мосту ко Волховскому,
Сам говорит таковы слова:
— Ай же, любезна моя дружина хоробрая!
Поди-тко теперь опочив держать,
А я теперь стану с ребятамы поигрывать.
И зачал Василий по мосту похаживать,
И зачал он вязом помахивать:
Куды махнет — тудыї улица,
Перемахнет — переулочек.
И лежат-то мужики уваламы,

Уваламы лежат, переваламы,
Набило мужиков, как погодою.
И встрету идет крестовый брат,
Во руках несет шалыгу девяносто пуд.
А сам говорит таковы слова:
— Ай же ты, мой крестовый брателко,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестового брата не наскакивай!
Помнишь, как учились мы с тобой в грамоты:
Я над тобой был в те поры больший брат,
И нынь-то я над тобой буду больший брат.
Говорит Василий таковы слова:
— Ай же ты, мой крестовый брателко!
Тебя ли черт несет на встрету мне?
А у нас-то ведь дело деется:
Головамы, братец, играемся.
И ладит крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья в буйну голову.
Василий хватил шалыгу правой рукой,
И бил-то брателка левой рукой,
И пинал-то он левой ногой,
Давно у брата и души нет;
И сам говорит таковы слова:
— Нет на друга на старого,
На того ли на брата крестового:
Как брат пришел, по плечу ружье принес.
И пошел Василий по мосту с шалыгою.
И на встрету Васильюшку Буслаеву
Идет крестовый батюшка, Старичище Пилигримище:
На буйной головы колокол пудов во тысячу,
Во правой руке язык во пятьсот пудов.
Говорит Старичище Пилигримище:
— Ай же ты, мое чаделко крестовое,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестоваго батюшка не наскакивай!
И возговорит Василий Буславьевич:
— Ай же ты, мой крестовый батюшка!
Тебя ли черт несет во той поры
На своего на любимого крестничка?

А у нас-то ведь дело деется.
Головамы, батюшка, играемся.
И здынул шалыгу девяноста пуд,
Как хлыснул своего батюшка в буйну голову,
Так рассыпался колокол на ножевыя черенья:
Стоит крестный — не кренется,
Желтыя кудри не ворохнутся.
Он скочил батюшку против очей его
И хлеснул-то крестного батюшка
В буйну голову промеж ясны очи:
И выскочили ясны очи, как пивны чаши.
И напустился тут Василий на домы на каменные.
И вышла мать Пресвятая Богородица
С того монастыря Смоленского:
— Ай же ты, Авдотья Васильевна!
Закличь своего чада милого,
Милого чада рожоного,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставил народу на семена.
Выходила Авдотья Васильевна со новых сеней,
Закликала своего чада милого.

(Записано от неизвестного 90-летнего старика с Колодозора (восточная Пудога) летом 1860 г.)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 2 / под ред. и с предисл. А. Е. Грузинского, 1910.